

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет ИТМО»
(Университет ИТМО)

Кронверкский пр-т, д. 49, лит. А,
Санкт-Петербург, Россия, 197198
Тел.: (812) 480-00-00
od@itmo.ru | itmo.ru

Отзыв оппонента

на диссертацию Волковой Наталии Алексеевны «Практический поворот в социологии конца XX – начала XXI века: материальная культура и социоматериальный эксперимент», представленную на соискание учёной степени кандидата социологических наук по специальности 5.4.1 «Теория, методология и история социологии»

Общая характеристика

Диссертация посвящена реконструкции социоматериального эксперимента (СМЭ) — метода, который автор выводит из традиции акторно-сетевой теории и материальной семиотики (Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло, А. Мол) и противопоставляет классической попперовской модели эксперимента. Работа построена как «двухчастный эксперимент»: первая глава предлагает историко-теоретическую («лабораторную») реконструкцию метода через генеалогию метафоры «чёрного ящика», вторая — эмпирическую («полевую») проверку на трёх кейсах постсоциалистической культуры: правилах землепользования и застройки (ПЗЗ), «элементарной классике» проекта фундаментальной социологии и каноне городских исследований. Тема соответствует специальности 5.4.1, апробация результатов представляется убедительной: публикации в изданиях, индексируемых WoS/Scopus и входящих в перечень ВАК, многолетнее преподавание, участие в прикладных проектах (включая мастер-план Алматы).

Композиция работы удачна: соискатель выстраивает обе главы по трём техникам оправдания эксперимента (материальной, литературной, социальной), восходящим к реконструкции С. Шейпина и С. Шеффера, так что сама диссертация оказывается устроена подобно тому объекту, который она изучает. Это редкий и изящный композиционный ход.

Актуальность и степень разработанности темы

Актуальность обосновывается через диспут о позитивизме между К. Поппером и Т.

Адорно и через вопрос о том, возможна ли социология как экспериментальная наука. Наиболее значимым представляется зафиксированный во введении тезис: исследователи ANT меняют сам метод научного спора — они не вступают в прямую конфронтацию с Поппером, а фактически предлагают и реализуют альтернативную модель экспериментального метода. Именно эта переустановка рамки, а не очередной эпизод полемики с «позитивизмом», составляет, на мой взгляд, подлинную ставку работы. Резонно, что хотя можно увидеть в прагматизме или философии Делёза аналогичные и родственные ходы, именно социологическая проблематика и решение проблем сформулированы в рамках АСТ-подхода, хотя и остаётся связанными с другими проектами, например, культурсоциологией (подчас полемически).

Не все тезисы, однако, понятны из введения и заключения. Раздел об актуальности и степени разработанности выстроен скорее как обзор разрозненных дискуссий, чем как последовательное обоснование: читателю остаётся не вполне ясным, в чём именно состоит проблема, каковы ставки и чьи они. Формулировки объекта и предмета исследования, при всей их содержательной глубине, амфиболичны. Так, из определения объекта («социоматериальный эксперимент как метод, реконструкция которого позволяет показать, как делается объективность в социологии и чем определяются материальные границы рациональности») не следует однозначно, идёт ли речь о сужении понимания метода как такового или об уточнении понятия СМЭ; понятие «материальные границы рациональности» — оригинальное и продуктивное — не заслуживало бы отдельного введения. Отдельные термины (например, «правило-метод» при обсуждении наследия Витгенштейна) начинают работать в тексте до того, как их генеалогия прояснена. Эти замечания не умаляют ценности работы, но фиксируют: труд понимания и объяснения здесь в значительной мере переложен на читателя.

Содержание работы

Во введении заданы исследовательская рамка (Беньямин, Фуко, ANT, спор Адорно и Поппера), цель, семь задач, пять положений, выносимых на защиту, и описана эмпирическая база. При в целом очень впечатляющей драматургии статьи, заметно, что количественные рамки (7 задач, 5 положений, 6 итоговых утверждений заключения) не приведены к соответствию друг другу.

Первая глава предлагает генеалогию метафоры «чёрного ящика»: от кибернетики и мертоновской социологии науки — к камере-обскуре (кантовская линия), далее к фотокамере Беньямина и Бурдье и к «чёрному ящику» Латура как объекту-актору. Часть, посвящённая камере-обскуре, написана ясно и последовательно — это, пожалуй, самый красивый фрагмент диссертации. Вместе с тем именно здесь не показан конкретный путь, которым метафора прошла от Канта в социальные науки; генеалогия заявлена, но не документирована ссылками на промежуточные звенья рецепции.

Тем не менее, глава предлагает три впечатляющих вывода:

Во-первых, работа формулирует проблему «чёрного ящика» у Латура: он проблематичен

не только из-за двойной (кибернетической и континентальной) родословной, но и потому, что объект движется, и фиксация его в движении требует сложно устроенных границ. Уточнение этих границ — через работу с проблемой объекта — и составляет содержание первой главы (с. 70–73).

Во-вторых, убедительно показано, что научный текст необходимо понимать как специфический текст, сочетающий нарратив и способ репрезентации; отсюда эвристичность обращения к Беньямину и Лэшу. Отношения между объектом и его репрезентацией (вплоть до «разрушения» объекта репрезентацией) становятся в работе важнейшим предметом анализа: социальные науки, как и физика, оказываются поставлены в ситуацию, где требуется доказывать и отдельность акторов, и принадлежность объектов одновременно описываемой и производимой в тексте реальности. Критика «чёрного ящика» как метафоры, скрадывающей экспериментальную составляющую того, что на более простом уровне описывается как двойная герменевтика или перформативность, представляется мне теоретически состоятельной.

В-третьих, ключевым выводом главы (с. 85) является тезис о том, что, выделяя максимальную — двойную — редукцию объекта как базовую, социоматериальный эксперимент позволяет анализировать переключение объекта между разными типами мобильности и порождаемые этими переключениями ошибки и допущения. Это позволяет уйти от аморфного понятия «пограничного объекта», которым часто ограничиваются исследования, — и в этом я вижу одно из главных оснований актуальности работы. Отмечу, что сама постановка соседствует с нерешённой проблематизацией переносимости у Ло и Мол (их статья 1994 г. и последующие совместные работы), так что диссертация здесь вступает в живую международную дискуссию.

Отдельно подчеркну удачные аналитические ходы главы: мотив необратимости социальных наук, подобной необратимости фотографического отпечатка; критический разбор того, что именно может быть фальсифицировано (с. 60–62), — впечатляющий, хотя и не свободный от того же приёма, который автор вменяет Попперу (эмпирика местами оказывается «служебной»); анализ экспериментальных ошибок как сделанных, а не возникающих (с. 93–98) — безусловно сильный фрагмент, показывающий, что объект формируется стремлением избегать ошибки и приближаться к точности через разные подходы. Показательно и устройство самого текста диссертации: амфиболия, которая в определениях объекта считывается как проблема, на уровне композиции работает как приём — текст может читаться в разных направлениях и собирает разрозненные сюжеты, а не движется из точки А в точку Б.

Замечания к главе 1. (1) Тезис о том, что концепции Бурдьё стали «чёрным ящиком» для европейской континентальной социологии (с. 44), подкреплён ссылками на работы самого Бурдьё, а не на материалы его рецепции, — утверждение требует иного класса источников. (2) Вывод о «приоритете социальных отношений над материальными» у Бурдьё (с. 45) выводится из различения культура/искусство и нуждается в более аккуратной аргументации. (3) Статус метафоры в главе колеблется: если «чёрный ящик»

— именно метафора, то возникновение в ряду кейсов фотоаппарата и насоса как материальных предметов требует специального пояснения. (4) Перенос терминологии Поппера и Венского кружка на Куна и Лакатоса (с. 60–62) не выглядит очевидным; вместе с тем сам тезис о том, что предмет фальсификации — материальный объект, впечатляет и заслуживал бы развёрнутой реконструкции. (5) Анализ множественных реальностей (с. 67–68) фактически вводит прагматистское понимание истины (У. Джеймс); этот «обходной путь» точнее было бы приписать американскому прагматизму — тем более что он не остался без внимания классиков, в частности подробно обсуждался Дюркгеймом. (6) Не вполне ясна драматургия нарративных типов: почему тестирование границ происходит именно в пересказе, а не в романе; зачем нужен меланхолический герой.

В первой главе остаётся нерешённым вопрос о том, как возможен метод без субъекта, и это ни в какой момент не отмечено в тексте. Это делает вторую часть проблематичной, но именно она показывает, что в данном случае работа далеко от «картезианского» понимания метода, который делается непременно субъектом. Такой ход стоило отметить в тексте, чтобы он не вызывал дополнительных вопросов.

Обращение к постсоциализму на первый взгляд может показаться избыточным: если разворачивать проблематизацию переносимости у Ло и Мол (через воду, огонь, евклидово пространство), то для описания практик научных подходов было достаточно и первой главы. Однако вторая глава оправдана методологически: после первой главы все события и приключения объектов происходят исключительно в мире теорий и никак не сопоставимы с тем, что может происходить в конструкторском бюро, в городе и вообще помимо книг. Постсоциализм задаёт новую — макро-масштабную — границу эксперимента. Именно эту функцию второй главы считаю необходимым отметить особо.

Кейс ПЗЗ (раздел 1) — увлекательная и убедительная история юридической техники, состоящей из карт, процедур и регламентов, вплоть до «фабрикации права» и фактического упразднения ПЗЗ в 2022–2023 гг.; с помощью понятий ANT автор наглядно показывает перераспределение границ эксперимента. Здесь у меня замечаний по существу нет — разве что заявленная во введении база интервью в тексте не представлена, так что фактически кейс построен на документах и вторичной литературе.

Кейс «элементарной классики» (раздел 2) демонстрирует эвристичность техники чтения классиков и формирования классического пантеона. Отмечу как несомненное достижение главы показанный на материале проекта фундаментальной социологии эффект: любое прочтение текста в духе этого проекта делает текст классическим (с. 177) — именно такие наблюдения оправдывают существование второй главы. Вместе с тем не вполне обосновано, почему из всех проектов осмысления советского наследия и мировой классики выделяется именно проект фундаментальной социологии (существуют, например, энциклопедия Добренёва–Кравченко и другие). Анализ книги С. П. Баньковской ведётся, строго говоря, не по Лэшу; более того, после вводного раздела главы (с. 122–123) Лэша в тексте больше не появляется, так что обещанная первой главой оптика в этом кейсе не применяется — рикёровско-филипповская модель работы с текстом (с.

170–178) с лэшевской типологией нарративов нигде явно не соотнесена. В общем, аналитическая рамка не эксплицитна, и это моя основная претензия к тексту.

Кейс канона городских исследований (раздел 3) содержит, на мой взгляд, одну из самых сильных идей диссертации: обнаружить понятие канона у Ло — как литературную технику, формализующую не содержание, а организацию и способ действия, — и перенести его на техническое задание урбанистических конкурсов. Этот подход, кроме прочего, объясняет, зачем вообще нужна вторая часть работы, и связывает кейсы через городские исследования. Вместе с тем масштабирование понятия канона вызывает вопрос об этических и эстетических границах культуры, поставленный самим автором выше по тексту: близость к Ло заявлена, но у Ло понятие используется, по-видимому, в ином, более ограниченном смысле, а обещанная близость к Зиммелю не доказана. Формы объективности в этой части выходят в новом формате: «мерцающая объективность» (с. 205–210) и «два типа объективности — описаний и репрезентаций» (с. 210–211) в первой главе не вводились и с её схемой прямо не сведены. Формы технического задания и урбанистических форумов возникают в повествовании внезапно; исследованию этих форм существования и передачи знания стоило бы посвятить отдельный сюжет.

Эпизод с Казахстаном (вывод по главе 2, с. 217–219) сильно выбивается из общего строя работы: он тезисен, опирается на иной класс материалов и вводит «экспресс-форму» метода, не получившую развёрнутой демонстрации. Особое недоумение вызывает формула на с. 219, где «чёрный ящик» прямо отождествляется с «ядром эксперимента»: после того как вся работа проделала тонкую дестабилизацию этого понятия, показав, что нет никакого «чёрного ящика» самого по себе, а есть метафорическое преломление разных объектов и вещей, такое редуцирующее уравнение выглядит шагом назад.

В заключении сформулированы выводы о внутренних и внешних ограничениях СМЭ, о «метод-сборках» как объекте метода и о практической применимости полной и экспресс-форм СМЭ. Возникает вопрос о масштабе обобщений: применимы ли «гибкость СМЭ» и другие выводы к социологии в целом, и какие контраргументы даёт современная дискуссия об экспериментах в социальных науках (это возвращает нас к вопросу об актуальности). Понятие сборки, ставшее в заключении центральным, в основном тексте в полной мере рассмотрено не было. Также остаётся неясным то, как материальность понимается в отличие от социальности в формировании границ, особенно во второй части. Наконец, финал практически не возвращается к Попперу, с критики которого начиналась работа: возврат ограничивается одной фразой в первом абзаце заключения (с. 220) и двумя эпизодическими упоминаниями на с. 163–164, развёрнутого итогового диалога с попперовской позицией нет — для работы, построенной как ответ на его критику, это ощутимая незавершённость.

В диссертации проведена важная для социологии работа, и прежде чем переходить к замечаниям и критике, я сформулирую, что сделано.

Значимость и завершённость:

- Теоретическая значимость состоит в оригинальной реконструкции экспериментального характера ANT/материальной семиотики; в переносе оптики Беньямина (аура, аллегория, типология нарративов) на проблему объекта и репрезентации в социальных науках; в уточнении понятия «объекта» (в том числе пограничного) через типы мобильности и двойную редукцию; в предложенном понятии канона как инструмента СМЭ.
- Практическая значимость — в разработке полной и экспресс-форм метода для прикладных и коммерческих исследований, а также в содержательных результатах кейса ПЗЗ (переход регулирующей силы от карт к регламентам), имеющих самостоятельную ценность для социологии права и городских исследований.

Замечания:

- Формулировки объекта и предмета исследования амфиболичны, а понятие «материальные границы рациональности» введено без отдельного обоснования.
- Генеалогия камеры-обскуры от Канта к социальным наукам заявлена, но не документирована промежуточными звеньями рецепции.
- Тезис об ANT как «ответе Попперу» опирается на приписывание Попперу позиции, которая была подвижной в «Логике социальных наук» и споре с Адорно.
- В рукописи есть опечатки (с. 5–9, 23, 84–85, 102, 221–228 и др.), непоследовательные транслитерации (Шэффер/Шеффер, Рикер/Рикёр), библиография содержит дубли и смешение стилей оформления.

Вопросы:

О субъекте метода. Если СМЭ — это проверка устойчивости описаний, то проводят ли его исследователи ANT, когда описывают чужие эксперименты, или они через эти описания проверяют собственный метод? Как это помогает понять постсоветское поле, где не было ANT как субъекта? Метод творился там «сам собой»? Если ответ — «никто», это стоит обозначить как условие игры: не все учёные, включая весьма экспериментально ориентированных, понимают науку так.

О материальном и эстетическом. Где и как в тексте обосновывается отождествление материальных и эстетических границ? Мне удалось найти только конвенциональное приравнивание в скобках (задачи 4 и 7, с. 12–13; положение 3, с. 18–19; с. 44), но не аргумент.

Об устойчивости ключевого понятия. Стабилизировано ли определение «чёрного ящика» в разных частях текста? По ходу работы оно последовательно обозначает: метафору неизвестного (с. 23–28), эмпирический аналог — камеру-обскуру (с. 28–31), «социоматериальный объект, сочетающий субъективные и объективные черты» (с. 25–26), объект-актор (с. 117), «пограничный объект между культурами» (с. 129–130) и, наконец, «ядро эксперимента» (с. 219). Если это осознанный приём подвижной метафоры — стоит его эксплицировать.

О Поппере и практическом повороте. Почему развёрнутый диалог с Поппером, открывающий диссертацию, не завершён в финале симметричным возвратом? Как соотносится однострочное упоминание на с. 220 со статусом Поппера как главного оппонента работы? То же относится и к практическому повороту.

О дисциплинарной рамке. Почему материал раздела 3.5 главы 1 (Х. Верран, споры о земле, сны и духи предков) отнесён исключительно к социологии, а не к антропологии, которой этот материал по преимуществу принадлежит?

Отмеченные замечания не затрагивают научного ядра работы и могут быть учтены при защите. Диссертация Волковой Н. А. представляет собой законченное, самостоятельное и теоретически оригинальное исследование, в котором выносимые на защиту положения получили достаточное обоснование; работа соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 5.4.1 «Теория, методология и история социологии». Считаю, что Волкова Наталия Алексеевна заслуживает присуждения ей учёной степени кандидата социологических наук.

Кандидат социологических наук, доцент
Института Международного развития и партнерства
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения
высшего образования «Национальный
исследовательский университет ИТМО»

П.В. Колозариди

« 2 » сентября 2026 г.
М.П.

